

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Онтология моральной свободы

Мишагин Павел Андреевич

Аспирант

ФГБОУ ВПО "Сибирский государственный технологический университет Гуманитарный факультет, Красноярск, Россия

E-mail: phileophronesis@mail.ru

Неотъемлемой чертой личности является свобода. Личность, духовная жизнь и деятельность, этическое поведение не могут мыслиться иначе как свободными. Какое-либо внешнее или внутреннее принуждение несовместимо с ними [4, с. 25-26].

Моральная свобода в своей онтологии – сложный феномен, не сводимый к одной лишь свободе воли (*libre arbitre*), да и свободу воли, составляющую лишь часть свободы человека (и притом не самую важную), можно рассматривать на различных уровнях [1; 5]. Для того, чтобы обладать низшим уровнем свободы воли, нужно быть лишь немногим умнее Буриданова осла. Это свобода, заключающаяся в полной детерминированности или предсказуемости реакции на данное раздражение или стимул. Но все же это не та непредсказуемость которая может сказываться и в деталях поведения вычислительной машины. Жизнь и сознание конституируют другие качества непредсказуемости, а именно, известную степень свободы.

Здесь речь идет о свободе выбора между отдельными мотивами, которые качественно могут и не отличаться друг от друга, быть равноценными. Причем, как правило, речь идет о выборе между уже готовыми и данными возможностями (например, какое блюдо заказать к обеду, пойти на стадион или в кино и т.п.). Эта свобода предполагает относительную независимость от мотивов: хотя я знаю, что все говорит в пользу А, я все же могу выбрать В. Крайний случай тут – абсолютно немотивированное действие (*acte gratuit*). Но можно допустить свободу и мотивированного действия в том случае, если мотивы лишь склоняют, а не принуждают [1, с. 16]. Физическим субстратом этой недетерминированности может быть структура мозга на микрофизическом уровне. Хотя определенную реакцию можно считать более вероятной, однако любая закономерность будет иметь в этом случае лишь статистический характер. На этом уровне свобода, рассматриваемая изолированно, почти неотличима от случайности, но, взятая в контексте, это все же ступень свободы. Степень свободы является более значительной, когда мотивы не навязаны извне (например, путем внушения или «вдалбливания»), а исходят от самого субъекта. Здесь свобода от мотивов дополняется свободой *творчества*, которая выходит далеко за пределы проблематики мотивов поведения [7, р. 141].

Это уже не свобода воли, ибо творчество и его результаты не зависят от воли, а часто произвольны, «противовольны». Идеи приходят сами собой, мысли преследуют неотвязно, как мухи, не давая покоя, открытия осеняют неожиданно и т.д.

Психический механизм процессов творчества до сих пор остается загадкой. Старый ассоцианизм ныне дискредитирован [2, с. 52], и все же ассоциационная связь идей или психических состояний, так или иначе объясняемая или взятая в том или ином контексте, – это то, что мы интроспективно наблюдаем в первую очередь. Однако, когда мы имеем дело с творчеством, связи между идеями принимают самый причудливый характер («ассоциация» между падающим яблоком и теорией всемирного тяготения),

а иногда решающая вопрос, разрубающая гордиев узел идея или замысел являются как *deus ex machina*.

В этом вопросе некоторые исследователи [2] ссылаются (не без основания) на подсознательное, но этот механизм еще более загадочен, а ход ассоциаций (если судить по сновидениям) является еще более прихотливым. Ясно, однако, что и работа подсознательного имеет какую-то целенаправленность, осмысленность [6, р. 89]. В общем, не вдаваясь в более углубленное изучение вопроса, можно говорить о свободе от ассоциаций, либо о свободном манипулировании ассоциациями.

Если свобода воли на низшем уровне, свобода от мотивов, условно может быть отнесена к области праксеологии, а свобода творчества как свобода от ассоциаций к области метафизики, то третий вид свободы, свобода воли на высшем уровне, есть свобода выбора между праксеологией и метафизикой как стилем жизни или, по крайней мере, поведением в данной конкретной ситуации, т.е. свобода как объект морально-философской рефлексии.

Это свобода выбирать не между двумя охапками сена, а между охапкой сена и чем-то недоступным ослу – даже такому философическому, как Буриданов.

Это свобода выбора между свободой и несвободой. Между подчинением влечениям или их подчинением практическому разуму или регулированием. Человек выбирает: либо отдаться влечениям, либо «души прекрасным порывам» или ее тягостным усилиям. В первом случае человек свободно отказывается от своей свободы, выбирает несвободу, и отказ от свободы есть результат свободного акта выбора, за который он несет ответственность; но и утрата свободы не является окончательной, она не исключает возможности постоянного противоборства влечениям или ограничения их власти [3].

Таким образом, в сфере онтологии моральной философии речь прежде всего идет о свободе распоряжаться своей свободой. Человек может отказаться от своей свободы, но не может отказаться от свободы своего отказа, и в этом смысле прав Ж.-П.Сартр, утверждая, что человек обречен, осужден быть свободным [5, с. 34]. Свобода выбора между праксеологией и философией морали и связанные с ней конфликты с наибольшей остротой проявляются в области моральной философии с ее требованием отказа, самоотречения, жертвы, с ее вечным призывом следовать призывам голоса совести – моральному долгу.

Моральную свободу онтологически нельзя сводить только к свободе воле или только к выбору «разумного» поведения. Это «освобожденность», свободное шествование по пути жизни, свобода порывов, чувств, мыслей, стремлений. Ибо все это входит в онтологическую сферу моральной философии, все это и составляет личность. За свободой выбора следует выбранная свобода. Свободу выбора свободы, свободу решения быть свободным можно было бы рассматривать как «метасвободу» по отношению к «собственно» свободе в онтологической сфере моральной философии. Однако такое разграничение является лишь условным, так как, с одной стороны, сам выбор моральной философии – уже (спонтанная) моральная философия; с другой стороны, моральная свобода предполагает свободный выбор (избрание) моральной философии, иначе она не есть свобода.

Если важной частью моральной философии является свобода творчества, то моральную философию, или нравственную жизнь как объект ее исследования и практического приложения в целом, можно рассматривать также как свободу самотворения или са-

мосозидания [8, р. 14]. Ибо что такое выбор моральной философии как стиля жизни в практико-прикладном контексте, как не второе рождение, и что такое нравственная деятельность, как не непрерывное самосозидание человека, непрерывная трансформация, преобразование на протяжении всей его жизни. И эта свобода самосозидания является одновременно венцом и основой всех иных видов свободы, их необходимым условием.

Возможно ли говорить об онтологии моральной свободы в ее отношении к человеку и соотношении с ним, если «онтологическая» картина мира, мораль, свобода, сам человек – завершенные готовые продукты: наследственности ли, или божественного акта творения или воспитания? Какой смысл имеют слова о свободе человеческого «я», если «я» навязано человеку самим собой как нечто готовое? Как человек может обладать моральной свободой, быть морально свободен, если он не тождественен своему «я», им не является, а представляет собой некоторое «оно» – чей-то объект? Любой человеческий выбор, любая мысль, любое создание будут «не его», если человек сам не свой.

Людям невыносимо сознавать себя гомункулами, продуктами лабораторных опытов; только привычка делает для нас не столь невыносимыми осознание себя продуктом природы, среды или даже божественного творческого акта. Но личность никогда не является чем-то готовым. Жизнь личности это постоянный процесс формирования и трансформации и что важнее всего – это процесс свободный, недетерминированный, творческий, причем эта свобода самотворения личности непрерывно нарастает, начиная с минимума свободы вначале и до ее максимума в жизненной *ακμῆ* – после которой у свободы появляется новый сильный противник – привычка. Во всяком случае, до известного предела свобода саморасширяется, каждая новая ступень или стадия развития личности обладает большей свободой, чем предыдущая. В этом самосозидании участвуют все силы и способности личности – воля, чувства, разум, либо взаимно помогая друг другу в росте и развитии, либо, напротив, вытесняя или «задвигая» друг друга.

Свобода самосозидания личности является основой ее моральной ответственности и основой всех остальных видов свободы. Тому, кто говорит: «Я не виноват, что я именно такой», – всегда можно ответить: «Да, но ты, именно ты, виноват, что не стал другим». Именно свобода самосозидания и делает человека морально ответственным не только за поступки, но и за чувства и мысли, и даже за сновидения, в которых проявляется какая-то непреодоленная стадия развития нашей личности.

Поэтому, говоря о субъекте моральной свободы, можно сказать, что моральная свобода сама создает своего субъекта, – но создает она его не из ничего. Исходный пункт, или изначальный материал, в виде тех психических зачатков («программы»), которые материально закреплены в физическом субстрате личности, которые, в значительной мере, определены наследственностью и в дальнейшем развитии которых наряду со свободой большую роль играет влияние среды, воспитания и т.п. – все это накладывает определенные ограничения на свободу нравственного самосозидания личности [9, р. 29]. Это не творение из ничего или в пустоте. Другие ограничения заключаются в том, что человек не свободен морально освободиться от груза своего прошлого. Пройденные этапы его развития не устранены и не могут быть устранены, бывшее не может стать небывшим, ничто не может быть изъято из жизненного «протокола» личности.

Но это значит также, что свободное развитие и нравственное самосозидание личности не уничтожает ее единства. Единство личности – сложное и многослойное. Именно поэтому человек как собственное наличное «я», даже став другим, имеет нравственную

склонность стыдиться дел своего прежнего «я»: он не несет ответственности лишь за те дела, которые были совершены в ту пору, когда его моральная свобода еще не достигла той ступени саморазвития, которая необходима для того, чтобы преобразовать задатки данные природой или воспитанием в нравственное. Но неиспользование моральной свободы для этой цели тогда, когда уже она достигла необходимой степени развития, никого не может освободить не только от юридической, но и, тем более, от моральной ответственности. Дело не меняется от того, что многие, может быть большинство, используют лишь незначительную долю своей моральной свободы.

Если рассматривавшиеся ранее виды моральной свободы были охарактеризованы как (относительная) свобода от мотивов, свобода от ассоциаций и влечений, – то этот последний вид свободы можно охарактеризовать как (относительную) моральную свободу от судьбы. В этом смысле, представляется возможным определять судьбу как «встречу», «стыковку», определенных, обусловленных каузально или иным способом данных именно с конкретным человеком как субъектом нравственности, с персональным моральным «я», воспринимаемую как нечто необусловленное. Способность свободного нравственного самосозидания в известной мере освобождает от результатов этой встречи, восстанавливает, пусть только частично, изначальную независимость и свободу определять морально («изнутри») – вопреки судьбе – свое назначение. Такова в общих чертах онтология моральной свободы.

Литература

1. Левин Г.Д. Трактат о свободе. Монография. М., 2009. 192 с.
2. Кузьмина Е.И. Психология свободы. Теория и практика. М., 2007. 338 с.
3. Мишагин П.А. Общая логика развития свободы как феномена моральной философии: от идеи к категории // Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Сборник статей / Под ред. В.Ю.Перова, Д.А.Гусева. СПб., 2012. С. 135-139.
4. Мишагин П.А. Свобода как проблема моральной философии // Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Сборник статей / Под ред. В.Ю.Перова, Д.А.Гусева. СПб., 2011. С. 25-38.
5. Мишагин П.А. Экзистенциально-феноменологический анализ свободы как феномена современной европейской культуры: метафизическое, нравственное и социально-политическое измерения // Этика, поэтика, метафизика сознания: опыт философского смыслополагания: коллективная монография / Отв. ред. Е.Н.Викторук. Вып. 1. Красноярск, 2011. С. 27-49.
6. Araujo Marcelo de. Scepticism, freedom and autonomy: a study of the moral foundations. Berlin, 2003. 237 p.
7. Corner Drucilla. Moral images of freedom: a future for critical theory. Lanham, Md., 2008. 177 p.

8. Huoranszki Ferenc. Freedom of the will: a conditional analysis. New York, 2011. 208 p. (Routledge studies in metaphysic; № 3).
9. Woody Melvin J. Freedom's embrace. Pennsylvania, 1998. 333 p.

Слова благодарности

Выражаю искреннюю признательность коллективу кафедры философии Гуманитарного факультета СибГТУ и лично моему научному руководителю - доктору философских наук, профессору Елене Николаевне Викторук за конструктивную критику, ценные замечания и моральную поддержку моей научно-педагогической деятельности